

META_KUNST

KULTURWELTEN

ISSN 1864-3183

№ 26 (2019/1)

БЕЖИТ РАЗНОЦВЕТНАЯ ЛЕНТА

KULTURWELTEN

ISSN 1864-3183

№ 26 (2019 / 1)

**БЕЖИТ
РАЗНОЦВЕТНАЯ
ЛЕНТА**

Стихи из России, Израиля и Германии

БЕРЛИН 2019

Бежит разноцветная лента: стихи из России, Израиля и Германии.
Берлин: Gesellschaft für OSTEUROPA-FÖRDERUNG, 2019.
(Kulturwelten 26: 2019/1). ISSN 1864-3183

От редактора-составителя

Десять лет назад, весной 2009 года на сайте Стихи.ру начал свою работу проект БЛК – **Большой Литературный Конкурс** stihi.ru/avtor/great1. Ежемесячные туры конкурса с апреля 2009 года собирали в «длинные» списки стихи современных авторов, пишущих на русском языке. Стихи обсуждались читателями, номинаторами, редакторами и приглашенными экспертами, из избранных стихотворений составлялись «короткие списки», выявлялись победители, получавшие разного рода вознаграждения, – но главное заключалось не в наградах, а в возможности «других посмотреть и себя показать» в достойном литературном окружении.

Спустя неполные пять лет проект переехал на новую страницу, стал называться **Большим Литературным Клубом** www.stihi.ru/avtor/blk2014, к ежемесячным конкурсам добавилось сотрудничество с литературными организациями за пределами сайта Стихи.ру, но основная структура проекта БЛК осталась неизменной, как и его задачи: поиск и популяризация произведений современной поэзии на русском языке, заслуживающих читательского интереса.

За прошедшие годы БЛК дал читателям возможность познакомиться со значительным количеством талантливых стихотворений, написанных как известными авторами (Вячеслав Куприянов, Константин Кедров, Елена Кацюба, Евгений Витковский, Юрий Беликов и др.), так и их коллегами, творчество которых постепенно получает признание в литературном мире. В роли экспертов БЛК выступали выдающиеся поэты, литературоведы и критики – среди них Кирилл Ковальджи, Бахыт Кенжеев, Анна Гедымин, Вероника Долина, Илья Кутик, Даниил Чкония, Александр Кабанов, Евгений Степанов, Мария Галина, Олег Федотов, Сергей Кормилов, Елена Зейферт, Наталия Черных, Кирилл Анкудинов и др. Произведения авторов БЛК регулярно занимают призовые места на разнообразных литературных конкурсах и публикуются в «толстых» литературных журналах – «Знамя», «Новый мир», «Новый журнал», «Дружба народов», «Юность» и др., что находит отражение в постоянной рубрике на сайте Большого Литературного Клуба – «На златом крыльце».

На страницах журнала «Kulturwelten» также публиковалась поэзия и проза ряда авторов и/или экспертов БЛК: Александра Петрушкина, Бориса Гринберга, Александра Крупнина, Петры Калугиной, Александры Ининой, Евгения Петропавловского, Игоря Гонохова, Натальи Вердеревской, Евгения Поспелова, Сергея Грохотова, Ларисы Кириллиной (Россия), Марины Ратнер, Виталия Будашко (Украина), Санжара Жубанова (Казахстан), Бориса Шапиро, Ильи Рывкина (Германия), Лилии Бельской (Израиль) и др. В нынешний выпуск журнала вошли стихи авторов, являвшихся или являющихся организаторами работы БЛК – членов главной редакции Большого Литературного Конкурса (2009-2014) и членов редколлегии Большого Литературного Клуба (с 2014 г. по настоящее время). К сожалению, один из основателей Большого Литературного Конкурса – Павел Самсонов отказался от участия в данном сборнике. Творчество же всех других организаторов «первого» и «второго» БЛК представлено в номере подборками стихотворений или небольшими циклами. Как и в лонг-листах БЛК, стихотворения в новом выпуске журнала разнообразны по жанрам и стилям, они рассказывают о разных географических и поэтических мирах, и я надеюсь, что каждый читатель сможет найти среди них стихи, которые ему понравятся.

Ильдар Харисов, март 2019

ЛИВЕНЬ СВЕСИЛСЯ С КАРНИЗА...

Елена Миронова
Санкт-Петербург

Часовой

Ночь. В ней свет – почти прифронтовой,
над твоей встающий головой,
пальцы перепачканы черникой.
Ты, дружок, сегодня часовой,
и увидишь если: кто живой –
издали на скрипочке пиликай.

Дольний космос густо начинён
длинным-длинным перечнем имён –
вот на свет плывёт из перелеска
люд рабочий, офисный планктон
с яблоком, которое ньютон,
в облаке, которое гандлевский.

Всякого утешь и сохрани,
от ножа и сглаза отжени,
отлепи от хвори и от дури,
отомри от яда и огня...

И сыграй, мой ангел, для меня –
чтоб застряла жизнь во мне
как пуля.

Танечка

– Тише, Танечка, не плачь:

Не утонет в речке мяч.

А. Барто

Толчая локтей. Случка лейблов. Нутро давитьни.
Мостовые усыпаны перхотью нембутала.
Потерять девственность не сложнее, чем достать мобильник
и послать смс: «Танька, сука, куда пропала?!».

А она все катится... катится вниз по Спасской –
виноградиной... косточкой неумелой,
на губах кавалеров взрослея наскоро –
под ноги Виноделу.

Вместо сердца – мячик, в глазах – водица,
из реки, в которую не входят дважды.
Скольким из тебя повезло напиться,
ангелок бумажный?

Ночь со спящих тел соберёт излишки,
виноградный сок разольёт по чашкам.
Мячик тонет, Танечка. Тонет! Слышишь?! –

... а тебе не страшно.

БЕЖИТ РАЗНОЦВЕТНАЯ ЛЕНТА

* * *

Ливень свесился с карниза –
поглазеть чужие сны.
От кофейного сервиза
откололось полстраны.

Местность сбрасывает кожу –
значит, время повзрослеть:
осень пить из чашек Божьих,
по карманам шарить медь.

Пахнет йодом и карболкой
в непроглядной чаще букв –
положи меня на полку,
не пытай судьбу.

Но когда подступит к горлу
острым лезвием вода –
встань у входа в Чёрный город,
не пускай меня туда!

* * *

Елене Малышко

июльский зной становится густым
в молчанье опрокинуты кусты
на дно травы уходят города
ни имени ни звука ни следа

закрой глаза прислушайся замри
гул яблока у яблока внутри
и легок свет и тень его легка
и в сердцевине яблока – река

нежнее слуха медленней воды
из-под коры глядят в тебя сады
и пахнет день малиной и халвой
и бог в тебе и больше ничего

ЖУЧИНЫЕ АНГЕЛЫ

Владислав Сергеев

Самара (РФ)

Полнолуние

Кот мой задумчивый, братец меньшей,
Что ты сегодня в окне увидал?
Не выбегай с непокрытой душой,
Может случиться лунный удар.

Бледные, тихие, злые лучи
В ночь опрокинут, душу подмяв.
Будешь отныне, лечи-не лечи,
Рифму искать на обиженный мям.

Программа на осень

Закончить, что начато. Сдать под расписку.

Вперед оплатить коммуналку и трафик.

Послать полудурков не ближе, чем на фиг,

А где провинился – ответить по иску...

Здоровье поправить любимой коняге.

Убраться в шкафах, все расставить по полкам.

Поставить пределы страстям и попойкам

И буквам, нелепым на белой бумаге...

Успеть, завершая сезон поливальный,

Поклоном воздать той, кто ночью и днём...

И всем улыбнуться. И непринужденно

С ума соскочить, как с подножки трамвайной...

Еще раз к вопросу о жуках и бабочках

*Агаше и Димиру
– с симпатией и надеждой*

Ну и кому же молиться, Володьке ли, Анке ли,
Чтобы случайные бури не стали причинами...
Бабочки – это такие жучиные ангелы
Или, верней, отлетевшие души жучиные...

Мне они кажутся лишь отраженьями в луже лиц,
Счастье беззвучное и невесомое брезжит им,
А для июньских жуков, скарабеев и жужелиц
Жизнь продвигается с хрустом, и скрипом, и скрежетом...

Тихо прошу, ты, Вседобрый, и этим, и тем скости
Кучу грехов, совершенных до времени оного...
Может, и проще двоим пересечься на плоскости,
Только не спрячешь за панцирь крыло махаоново...

2003

* * *

Что касается листьев, мне желтые нравятся больше...
Этот август лихой – лишь прелюдия бабьего лета,
Где осенние стебли опять распрямляются: Боже!
И печали светлы, и бежит разноцветная лента

То ли вечной реки, то ли чуть убывающих суток,
Меж душой и природой последние падают грани,
И смешение красок легко помрачает рассудок,
Но свершает такое, о чем и не думалось ране...

А когда завершится и эта пора чародейства
И серебряный дождь не преминет на землю пролиться,
То всего лишь закончится долгое-долгое детство...
Я потом расскажу, для чего твое лето продлится...

МЕСТО ДЛЯ МЕТЕЛИ

Александр Петрушкин

Кыштым (РФ)

* * *

а скрыться не получится – хотя
хотелось бы, и это славабогу –
прошение взглянуть, но не сейчас,
а позже, впрочем, позабыть тревогу

здесь тоже невозможно: ты и я –
отсутствие возможности для речи.
так в мертвеца играет колея,
промёрзшая до косточек. размечен

тянущимся молчаньем разговор:
ты оставляешь место для метели,
и я горю во всех своих стыдах,
как столб фонарный,
что желает в свет поверить.

* * *

Передержанный запах отчизны, возни,
что внутри, меж домами, идёт –
ты, как бабочку, крылья и голос неси,
если мгла их конверт надорвёт.

Зазвенит из нутра темноты гироскоп,
замигает совиное дно,
и нора кувырknётся в себе, изнутри
завершив часовой поворот.

Всё, что видно – вращение в стае юлы,
размыкающей, сшитый мешок –
и одна лишь сова, как отрывок, лежит
а внутри её – неба тепло.

БЕЖИТ РАЗНОЦВЕТНАЯ ЛЕНТА

* * *

снегири это имена для деревьев
чем ближе к свету
тем меньше букв в имени

на нижнем ярусе сидят скандинавские боги
а на верхнем – потерянный звук

качнётся ветка, отяжелев от снега
вот и ещё одно имя тут

* * *

У государства иной задачи нет, кроме
того чтобы ты родился и умер на его территории –

остальное решает не оно, а сами люди.
Выбирают способы, выбирают стиль,
выбирают кто кого любит –
точнее, не любит [таких всегда больше].

Мы едем с тобой, любимая, на площадь,
учим язык рабочих,
шахтёров.
Утром.
В понедельник.
Едущих с нами в забой –
[кто не спрятался – я не виноват].

Голос из динамиков: Сенатская.
Пора выходить или стоять.
Все идут наверх, чтобы выстоять.

И только один вниз, нам навстречу,
чтобы вывести.

ИЗ ЗАПИСОК НИЛЬСКОГО КРОКОДИЛА

Александр Крупинин

Санкт-Петербург

I

Некоторые крокодилы живут очень долго –

Несколько тысяч лет.

Некоторые умирают очень скоро –

Чуть ли не в тридцать лет.

А отчего это зависит,

Никто вам не даст ответ.

Возможно, от игрек-хромосомы,

Возможно, от сочетания планет.

И главное, что сам крокодил не знает,

Долго ему жить или нет.

Иногда ест цаплю и размышляет,

Может, это его прощальный банкет.

И на глаза его слёзы

Наворачиваются тогда.

Говорят, это он солит пищу –

Полная ерунда.

II

В юности всегда боишься смерти,
Страшно расставаться с белым светом.
Но чем дольше я живу, поверьте,
Тем мне легче размышлять об этом.

На своём веку поплавал я немало.
Поднимался вверх до самого Хартума,
Добирался до Суэцкого канала,
Где и съел майора Розенблюма.

Как-то раз на севере Судана
Заманил в обманчивую тину
И сожрал я местного султана,
Кажется, Омара Мухитдина.

Часто я бывал под Асуаном
В год, когда там строили плотину
Съел там инженера Налбалдяна,
С ним и переводчицу Марину.

Сколько съел я цапель и бекасов,
Лошадей, коров и эфиопов!
Но одно осталось мне неясным,
Был ли счастлив я, кого-то слопав.

Жизнь наполнена потерями и грустью.
Можно плавать вверх по Нилу и обратно.
Можно жить в верховьях, можно в устье,
Но зачем всё это, непонятно.

БЕЖИТ РАЗНОЦВЕТНАЯ ЛЕНТА

Я лежу в лагуне тихой Нила
Со своей клавиатурой QWERTY,
Жизнь меня от страха исцелила.
Я спокойно думаю о смерти.

III

Хочется видеть в читателе друга,
хочется быть с ним на ты.
А это возможно лишь на основе
общего понимания эстетики и красоты.
Эту главу моих записок
я начну издавека –
со стихов поэта-футуриста
Давида Бурлюка.

Он писал про нас, что если ты молод,
в животе у тебя всегда чертовский голод,
и всё, что ты встретишь на пути,
может в пищу тебе пойти.
В молодости – да, и правда, так было,
и мои путешествия по Нилу
не сводились к элементарному туризму.
Нет, в соответствии с эстетикой футуризма,
многое из того, что встречалось мне на пути,
рассматривалось мной с точки зрения
питательности.

Теперь-то, на старости лет
я ем понемногу на завтрак и на обед.
Мне хватает одной – двух птиц определённого вида.
Не буду уточнять каких, чтоб никому не наносить обиду.

А в те далёкие времена, когда я был молод,
я круглые сутки испытывал тот самый чертовский голод.

Поэтому, когда от Фив отплыла пирога,
я сказал себе – это твоя первая настоящая дорога.
Всегда хорошо плыть за большим кораблём –
тут и рыба, и птицы – чувствуешь себя королём.
Но это мелочи, а если улыбнётся судьба,
выкинут за борт провинившегося раба,
а то какой-нибудь ротозей сам упадёт за борт,
тогда ты его – цап... Настоящее искусство и спорт.

Из Фив уплывал Аменхотеп Четвёртый –
странный был фараон –
бросил свою столицу,
чтоб построить город Ахетатон.
Я тогда был молод – мало что понимал,
Но мой дядя предрекал этой аванюре полный провал.

Традиции!.. Надо всегда уважать традиции –
при любом уме, таланте и эрудиции.
И если ты, как мы, не нарушаешь традиций,
тебе всегда есть что беречь и чем гордиться!
А эти всё бросили, куда-то поплыли,
о чём-то мечтали, рабов не били...
А теперь на месте их города ничего не стало.
Только археологи возятся, как у посольств шакалы...

В общем – традиции, эстетика футуризма,
поменьше мечтаний и либерализма.
Главное, не давать распускаться народу.
Пожёстче с рабами и, чуть что – их в воду.

IV

Сюда прилетела одна симпатичная птица.
Пожалуй, стоит отвлечься и подкрепиться.

V

Я хотел бы поговорить про лягушку.
Казалось бы, прыгнула она в колодец и всё.
Но я вспоминаю стишок-нескладушку
Японского поэта Мацуо Басё.
Она прыгнула – и идут круги по воде.
Эти круги постепенно распространяются везде.
И какое-нибудь событие, происходящее за миллион шагов,
В некоторой степени зависит от этих кругов.

Тогда возникает вопрос, кто совершил самый первый прыжок,
И, соответственно, откуда пошёл самый первый кружок.
Фома Аквинский сказал, что первопричина есть Бог.
И кто Его не слушал, тот плох.
И если ты в жизни, подлец, делал зло,
То потом тебя накажут по первое число.

Но теперь выясняется, что хаос может упорядочиваться сам,
И тогда нет места никаким богам.
Это доказал бельгийский учёный Илья Пригожин.
Получается, что мир без Бога – возможен!
Это значит, из руин могут сами возникать дома.
Это значит, философия может возникать сама!
Это значит, отменяются рай и ад.
Это значит, никто ни в чём не виноват!
Помните, как у Достоевского рассуждает Карамазов Иван?
Надеюсь, вы читали этот нашумевший роман.

Но, хотя я всего лишь нильский крокодил
И Бог меня большим умом не наградил,
А Илья Пригожин – нобелевский лауреат,
Я понимаю, что во многом виноват.

Я многих сожрал, но ведь это моя природа!
Зачем же Бог создавал такого уroda?
Пусть бы все питались мармеладом и вафлями,
И тогда бы крокодилы возлежали рядом с цаплями.
Но такого ведь в мире нет!
Разве я за это должен держать ответ?
Не зря же персидский мудрец Хайям
Сетовал, что Аллах жесток по отношению к нам.
Я приведу его стихи в переводе Румера
(Москва, издательство «Новая эра»).

«На свете можно ли безгрешного найти?
Нам всем заказаны безгрешные пути.
Мы худо действуем, а Ты нас злом караешь.
Меж нами и Тобой различья нет почти».

Но приближается смерть, и, честно сказать, я трушу.
Господи, Господи, спаси мою грешную душу!..

ОТЗОВИСЬ МЕЖДОМЕТИЕМ

Андрей Федосеев

Самара (РФ)

Мертвое море

Чем ни буя, тем не мокрей
Разлитое стекло...
...Скажи мне, девочка морей:
Зачем тебе весло?
Грехи грехи, но не неволь —
Держать способна только соль
 растворы хло...../зачеркнуто/
 все связки слов...../зачеркнуто/
Над болью глубины.

Век кропотлив, но иногда
Расслабься и повиснь...
...Моря мелеют лишь тогда,
Когда выходит жизнь:
Слон, черепаха, или вошь...
Туда враз-плюнуть не нырнешь
 с изгибом вдоль...../зачеркнуто/
 с хвостом из-под...../зачеркнуто/
С крылом из-за спины.

На море важен не пустяк,
А от него прибой...
...Так далеко горит маяк,

Что близко нам с тобой.
Греби вперед – плыви назад.
А ведь учили только над...
 разделом сред...../зачеркнуто/
 лежащим обр...../зачеркнуто/
Блюдяши аблятив...

Сосуды тужатся песком.
Печаль всегда в большом...
...Забавно плавать босиком
Над вымершим ершом.
Он кривоок, он губит сыть,
Он одинок, но будет жить...
 как Агасфе...../зачеркнуто/
 в Стране Сове...../зачеркнуто/
Растак его ети!..

Частилище

В сенях обреченного рая
бессмертие в смете и всуе,
и, мыслимо опережая,
слова каламбур образуют.

Они не важны, как реклама
важна для торгового дела.
Частят далавитые ламы
досадной привычкою к телу,

БЕЖИТ РАЗНОЦВЕТНАЯ ЛЕНТА

как неизлечимым конструктором.
А рядом потребности корма
сознание решает продуктом
житья индугьенной подформы.

...А в мире всё смирно и стрёмо,
когда б не война и термиты,
что роют его чернозёмы,
как плачут в душевное сито.
Но режутся в «верю – не верю»,
давно без родни и итога...

...Сбегаются в сени потери,
их, судя по беженцам, много.

Все щупают в шапках гостинцы,
и пьют говорящую воду:
и вы, без недели ордынцы,
и я, без нашивок за годы. –

Давно не отсюда, иначе
послушно бы чалил ремейки.
А здесь – на продаже собачек,
что тьякают от батарейки...

Надпись на позвонке

То беершиво,
То братоубийственно,
Тленно и тливо на шепот и крик...
Неторопливо,
Полунно, полиственно
Переведи мой язык...

Прутиком вили
Причастия чибисы,
Глупые были глотала змея –
Так говорили,
Пока научились,
Значит не только не я...

Все восхожденья –
Раздел катавасики,
Все построенья – удел бочара.
Телодвиженья
Лошадок и часиков
Я развернул во вчера.

Жухлые *honoris*
Кружатся с *causa*...
Бережным схороном лучшего дня
В разные стороны
Тянется пауза,
Где не хватает меня...

БЕЖИТ РАЗНОЦВЕТНАЯ ЛЕНТА

Пусть алфавит
Полирует подосина –
Крыша поедет не ампли тудá...
Слышишь, сочит
Повесневшая досиня
Корочка донного льда?..

Крепким, как груздь,
Отзовись междометием,
Грусть в полусонные звездочки сузь...
Я наживусь
На четыре столетия,
И на рассвете приснюсь...

Клошар

Не хватило три су до билета...
...Потеряв к интересу вокзал,
Ля Вакум завернулся в газету
И бессмертную душу отдал.
Село солнце, открылась ограда,
Отлетел предпоследний комар.
Но сказали: добавить бы на-
-адо,
Потому что не ходкий товар.

Если надобность вплоть до зареза,
Можно выйти за грани резьбы.
Он добавил к словам Марсельезы
Барабан азиатской судьбы

Под набег ослепительной рати,
Даже фронтом похожей на тыл,
И всех женщин, утопших в объа-
-атях,
Кроме тех, кто доселе не всплыл.

Не переча и с детства не споря,
Принимая обычно всерьёз,
Выстриг с перхотью липкое горе
Из потока бискайских волос.
Сгреб в тряпицу, чтоб стало казисто,
Завязал узелками края
И добавил семь помыслов чи-
-истых,
Как слеза, что глотал не жуя...
...Но сказали ему, что не может
Быть в зачёт эта куча... всего.
Взял тогда он зазубренный ножик,
Как оторванный адрес письма.
Плюнул ветрено и неопратно,
И ушёл со следами в песке...
...А душа возвратилась обра-
-атно
И пригелась в чужом пиджаке...

КАК ЖИДКОСТЬ И КАМЕНЬ, ВЕЩЕСТВЕННО СЛОВО...

Юлия Вольт

Рамат-Гане (Израиль)

Участь – не счастье

Умысел Каина осуществился, и смысл
существования утратился, словно антоним.
Всех, отбывающих участь, не выслать на мыс
Доброй Надежды – не вместимся. Значит, утонем

в столах унылых пустой безнадеги... Душа?
Нет! Духота! Задыхаемся за соучастье!
Участь... Условия быта дано улучшать,
только без права на Слово со смыслом. Не счастье –

участь! Созвездья, созвучья разрознены вплоть
до какофонии, хаоса, абракадабры:
плата – палата под номером – платина – плоть.
Смысл, подчинённый условиям Абы да Кабы.

Если бы! Каин, мой мальчик! Да если бы знал
он, что без брата до врат золотых не добратся!
Если бы знал он, что памяти яма – без дна!
Смысл – не в свободе, не в равенстве даже, а в братстве.

Слово бессильно, беспомощно, если одно.
Авель без Каина, слово без рифмы абсурдно.
В правиле парности есть исключения, но
утомлена я уже морфологией нудной

и возвращаюсь из уединения в мир.
Корни, приставки и суффиксы людям до фени.
Шарик земной погремушкой забавной гремит.
Запах бензина, да чахлые тени растений.

Многия слóва

Как жидкость и камень, вещественно слово,
считали прапредки, считаю теперь я.
Стара, вероятно, для знанья иного:
для темных энергий, для антиматерий.

Вещь – слово, а многия слóва – пустыня.
Не стоит грязнить зренье грёзами, ибо
оазис – мираж... Проще глупой гусыней
твердить «Я люблю», да «Ай лав», да «Ихь либе».

Мне больше не хочется сложного. Слово –
не больше, чем овощ, кирпич, древесина.
Стара, вероятно, для знанья иного.
Пора, вероятно, стать глупой гусыней.

Листок

...и умру от любви и печали...

Б. Окуджава

Он бежал по пятам, проводив до порога почти что,
рисковал наколоться на шпильку, но вился у ног, —
раскрасневшийся, словно впервые влюбленный мальчишка,
от порыва сорвавшийся с ветки осенний листок.

Он отстал, потому что попутному ветру наскучил.
И забаву в канаву забросив, в объятьях хандры
ветер стих. Заклубились над миром дремотные тучи.
Сразу день обессилел, почувствовав некий надрыв.

А в канаве листок, чье мальчишество мной не забыто
и сравнимо с признаньем Андрюши из первого «Б»,
одрыхлеет до завтра, кляня роковые кульбиты.
Мы и сами... Мы сами противимся разве судьбе?

Расхожие рифмы

Устилает двор радушно круглолицый подорожник,
в центре – там, где тополь срублен, –
широченный старый пенъ,
а березы-берегини выше крыш уже, и можно
на сороку и синичку любоваться целый день.

И расхожей рифмой сыпать, став к изыскам равнодушной,
сыпать в форточку, как будто
рифмы – это птичий корм.
И пером, прошедшей ночью продырявившим подушку,
по губам водить, глотая вдруг восставший в горле ком.

ПОЧТЕННАЯ ЛЕСТНИЦА

Тейт Эш

Москва

Ода истопнику

... Истопник выходил во двор, налегая на дверь сплеча –
Как сминал бы ордынский строй рус владимирского закала.
Дверь хваталась за зимний воздух, похрипывала, ворча,
Расшибалась о стену лбом и сочувственно пропускала.

Истопник выходил как царь, бросив под ноги кочергу.
Увидав старика, капель заливалась искристым смехом.
Серебрилась у ног Россия, подтаивая в снегу,
Вдоль заборов, плетней и стрех разносясь воробьиным эхом.

Постоит истопник, дивясь, как бывает металл пунцов,
Как легко вековым стволам топоры рассекают жильца...
... Догрызая в огне поленья как пригоршню леденцов,
Простодушно вздыхает печь, ожидающая кормильца.

Из цикла «Питерский альбом»

Калипсо. Хроники отставных

В запалатную пустошь,
В иссечённую судьбами мглу
Ты его не отпустишь,
Укрывая в больничном тылу.

Сколько счастья ни делай,
Как ни прячь от мирских навсикай,
Снова кто-то бестелый
Сквозь туман возопит: «Отпускай!»
Чья-то передовая
Без бойца не осилит войну.
Ждёт волна штурмовая,
Чтобы дом твой отправить ко дну.
В небесах приграничных
У богов затянулась ничья...

Вместо бланков больничных –
На ладонях твоих чешуя.
Тик метнётся по векам.
Ведь сама отпускаешь, смотри.
За своим человеком
Закрываешь себя изнутри.

*

чуть сутулый, шаталый
(хоть судьбу сквозь него перечти),
он уходит усталый
и тобою спасённый почти.

мимо нордов и остов,
с парашюта спустившись едва,

БЕЖИТ РАЗНОЦВЕТНАЯ ЛЕНТА

тонет в яви как остров,
сохраняя тебе острова.

*

в оголтелой атаке
до углей небеса сожжены.
он идёт по итаке,
не узнавший страны и жены.

дремлют боги из гипса.
в храме холодно, в доме темно.

*

Полночь.

Вздрагнет Калипсо.

Атлантида уходит на дно.

Волхе

Отворяют простор мосты,
Похваляясь своим уловом.
Ты однажды шагнёшь на «ты»
С древним городом двухголовым,
Где не надо ни вод, ни вед,
Чтобы видела вся округа,
Как выходим в соседний свет,
Не успев опознать друг друга.

Остывают слова-следы.
Здесь вода не живеет воды.

Судьбы кружатся комарьём,
Только некуда нас увлечь им.

Мы словами кого-то бьём,
И собою кого-то лечим.
Столько было на шкуре швов, —
От кого — и не вспомнишь толком...

Человек человеку — волхв,
Если к ночи не станет волком.

Балтийская хореография

... в пальцах проснулась живость боярышника
Иосиф Бродский

заполночь.
мрачный дворцовый голод сполна ощути́м снару́жи,
даже почтенная лестница хищно тычется в палисад.
люди закончились.
небо упало в лужи несколько дней назад.
так оно и лежит — возле хлама, на сбитом днище,
всматривается в крыши...

сжав светляка в горсти,
бродит боярышник вдоль парапетов —
ищет,
где ему прирасти.

темень шатается, мостик дрожит, иудит.
чёрную жижу сплёвывает водомёт.
птица, разбухшая от намоканий, будет
спать на плече куста.

иногда мелькнёт
возле балконных осыпей
такой же боярышник (сущность, повадки, тени одной длины).

БЕЖИТ РАЗНОЦВЕТНАЯ ЛЕНТА

позвать бы, поговорить,
но мысли похожих особей равноудалены.

светает.

к захвату дороги готовится строй булыжников.
но пока не треснула асфальтовая скорлупа,
в свете фар ветка боярышника вдруг выгнется как Барышников –
помедлит –
и распрямится в диком шипастом па.

ПЕСЧИНКИ В РЕКЕ ВРЕМЕН

Андрей Моисеев

Москва

Копеечка

Я в свете фонаря найду копейку –
она мигнет, пронзая темноту.
Зажму в кулак, присяду на скамеечку
и год рожденья собственный прочту.

Так вот зачем сверкнула ты, ровесница,
среди прохожих высмотрев меня!
Судьбы моей нечаянная вестница,
хранительница личного огня.

Подброшу – отзовешься медью звонкою,
упав на камни решкой ли, орлом...
Возьму тебя домой, натру суконкою
и продырявлю тоненьким сверлом.

Храни меня копейка, храни меня
от немощи и рабского стыда,
от подлостью запятнанного имени,
от прихотей неправого суда.

Язычество? Считайте, если хочется!
Но, может быть, и это неспроста,
что верим в талисманы и пророчества
сильнее, чем в распятого Христа?

БЕЖИТ РАЗНОЦВЕТНАЯ ЛЕНТА

Мой талисман – фантазия, видение,
вовек его найти не суждено –
копейки одного со мной рождения
утратили свой блеск давным-давно.

И все-таки, не очень-то умеючи,
я до сих пор живу в насущном дне
лишь оттого, что ждет в пыли копеечка
и молится, и плачет обо мне.

О чем молчит Рыба

Вот эта? Вон та? Которая?..
Вам спинку или филе?..

Я Рыба. Я – кистеперая,
Последняя на земле.

Сожженная древней лавою
Всеобщей морской беды,
Я тысячелетья плаваю
Без пищи и без воды.

Я столько видала всякого,
Такое мне душу жгло,
Что стала я одинаково
Смотреть на добро и зло.

А все, что стряслось от Каина
До нынешних смутных дней, –

Песчинка, зола, окалина
В анналах судьбы моей.

Рабы, короли, военные,
Поэты, купцы, попы –
Ничтожны их жизни бранные
И чаянья их глупы.

И эти, толпой плывущие,
Глядящие с трех сторон, –
Не худшие и не лучшие
Песчинки в реке времен.
Приелось давно, наскучило.
Нет дела до их смотрин...
Смешно, но для них я – чучело,
За пыльным стеклом витрин.

* * *

Не дай господь застать такие дни,
Когда стучит История в ворота –
Кричит народ: «Распни его, распни!»
А я частица этого народа.

Идут века. Еще один злодей
Повинен в том, что веру нашу продал.
Кричит народ: «Убей его, убей!»
А я частица этого народа.

БЕЖИТ РАЗНОЦВЕТНАЯ ЛЕНТА

Не дай господь застать такие дни –
Ведь память не забудет и не спишет.
Народ кричит: «Гони его, гони!»
А я молчу. Да кто меня услышит...

Но каждый раз, когда горят мосты,
Одну и ту же вижу я старуху –
Она распятым смачивает рты
И хлеб гонимым вкладывает в руку.

И страже, и толпе наперекор
Идет, не слыша криков за спиною...
Тому, что мир не рухнул до сих пор,
Она одна, наверное, виною.

Украинское барокко

На стыке путей, идущих от запада и с востока,
Стараньями древних зодчих и каменных мастеров
Однажды взметнулось в небо украинское барокко,
Догматы средневековья решительно поборов.

Невиданные доселе – лазурные, золотые –
Торжественно плыли храмы, ловя восхищенный взгляд,
И так это было сочно, что даже сама София,
Забыв о своих седирах, решила сменить наряд.

Но время неумолимо, беспamięтно и жестоко –
Не выждав и двух столетий, оно принесло беду.
И взорванное, сползало украинское барокко
В кирпичную пыль, в руины, в забвенье и лебеду.

Вы только на миг представьте: еще полыхает синий,
Еще пламенеет белый, покуда дымит бикфорд,
Но радость уже сменилась трагизмом барочных линий,
Беззвучно воздетых к небу, как будто немой аккорд.

Какое барокко, если господствует тирания,
И мир, набирая скорость, срывается под откос!
...На гибель сестер и братьев нарядная мать-София
Смотрела, не вытирая своих золоченых слез...

И все-таки злу досталось не так уж и много срока,
Не так уж и много срока – один человеческий век.
Возводится на руинах украинское барокко,
Его золотые главы, как прежде, взмывают вверх.
Пускай говорят «Подделка!» свидетели мрачной драмы –
Их право – не верить сказкам,
и все же повременим:
Когда-нибудь снова будут намолены эти храмы,
Авось отнесется Время не столь беспощадно к ним.

ПЕРЕБЕЖКАМИ МЕЖ СЛОГАМИ

Ильдар Харисов

Берлин

* * *

день рождения Моцарта
двадцатый
миллионный
пока ни жены
 ни сына до встречи после
 прощанья
наизнанку ушная раковина
всасывается в звон тетивы
на подмостках будущей оперы
звезды-лучники
огненные стражи
первого признания
 лепета
 песни в родном доме

век за веком спасать от случайных комет
еще несотканые платки Констанцы
и задувать на счастье
свечи пифагорейских квинт

Дамаск на Волге

в наушниках скрип
и звон
и сквозь тёрку столетий пропущенные
шутки бедуинов
в Дамаск в Дамаск
где песней живёт ещё память
прадедов
вернись въедается радио в самую кровь
вернись
верблюжьи колючки радений
осадили
шарф и ушастую шапку
вернись

так на Волге-Итиле
под разгул ноябрьского ветра
чуешь пот на седле
улыбаешься смеху браслетов
знаешь
кто припрятал в бауле
драгоценные рыльца шафрана
и под какой
серьгой
крошечная родинка ждёт
обветренных губ

Весёлое имя Пуш...

сигарета упрямится в рот не лезет
на щеках завяли веснушки
ты не хочешь жить как желе в железе —
поживи как пу в весёлом имени пушкин

пусть вокруг взрываются милые вещи
ты не крикнешь баста просните к чёртовой маме
улизнешь от господних затрещин
перебежками меж слогами

— навсегда?

Решающий гол

По дороге в школу спорят мальчишки
о решающем голе,
забитом вчера в Польше –
в тот самый миг,
когда на другой стороне
земного мяча
новые майя едва не поймали
весть о новом конце света –
о, нескоро, лет через триста
с хвостиком...

– На последней минуте!
– Бергер толкнул его, я видел!

Бог-голкипер улыбается в усы,

а тучная корова,
проводя подростков
каким-то (найду ли прилагательное?) взглядом,
неторопливо пережевывает
юные стебли растений,
предки которых поселились здесь
тысячелетия назад.

ПТИЦА-ОРКЕСТР

Ольга Ведёхина

Санкт-Петербург

Из цикла «Белорусские тропы»

*

клавиши-крылья.
сколько их, чёрно-белых,
в жите, лугах —
край аистиный.
ходят на длинных ногах
птицы изрядного роста
по травяному помосту.
нет, не в жалейкином стиле
клавиши-крылья,
клюв-дирижёрская палочка.
в зелени влажной, русалочьей
ходит хозяин сих мест —
птица-оркестр.

*

солнце челом бьёт,
золотит сосновый живот,
по яблоням, по лещинам
волосом длинным
метёт-скользит,
тыквенный свет дрожит,
и тень берёзы, затянув поясок,
отплясывает крыжачок.

Тройка

Говорят, в России надо любить пить.
А я не люблю. Прививали – да не привили.
Мол, какой же пиит не воспел золотой аи
и другие нектары или эффект, который производили
и спирт, и Вакхова влага, и янтарный коньяк –
есть ли действенное ипокрена для тех, кто пишет?
Я не знаю, может и нет – не узнать никак,
потому что путь у меня такой скучноватый вышел.

Говорят, в России надо любить мат.
Мол, это пикантно, в нём энергия брызжет,
культурный код нации, препарат,
компенсирующий невроз от российской жизни.
Но вижу Машу, Ирину, Ольгу – чеховских трёх сестёр –
слышу, как раскричалась Аглая Епанчина –
вот он, родной по крови, близкий мне разговор,
здесь у бурлящей речи допустимая глубина.

Говорят, в России надо любить власть.
Лучшей не будет, мол – этой служи и пой,
в общем, блаженны кроткие, лучше пасть
в ноги, чем устраивать возмущённый вой.
А вот и тут я выпала из гнезда:
шея не гнётся кланяться, зорек излишне глаз.
Глажу иван-да-марью, клевер, ивы вблизи пруда –
вы – моя родина, в прочем не прижилась.

БЕЖИТ РАЗНОЦВЕТНАЯ ЛЕНТА

* * *

Небо – крылья голубянки,
фарфоровый лепесток.
Синица спускается по стремянке
веток. Снегом кипит восток.

Солнце перекачивается по окнам
нижних этажей.
Шатко скользит мой кокон
по ледяному драже.

В небе кустодиево до обморока,
такая лазурь/глазурь –
нежная, словно взор эколога,
глядящего на стрекозу.

БЕСШУМНЫЙ, ВОЛШЕБНЫЙ, ПУШИСТЫЙ...

Александр Спарбер

Москва

Сон, приснившийся за...

...и когда, отложив свою жизнь до поры,
я смиренно усну, наглотавшись таблеток,
то увижу: цветные гуляют шары
и большие коты тихо падают с веток.

Говорят свои мяу и лезут назад
по шершавым стволам, что твои альпинисты;
и всю ночь напролет – котопад, котопад –
разноцветный, бесшумный, волшебный, пушистый...

А наутро, когда возвращаться пора,
извлекаться наружу из-под одеяла –
слышу чей-то пронзительный крик со двора:
Мама, мама! Там с дерева кошка упала!

О чучеле Трампа

Бабуленьки чучело Трампа
сжигают. За то, что он гнусь.
За то, что придумал нам санкций –
чтоб вовсе не выжила Русь.

Сжигают проклятую морду
за эту треклятую жисть,
за то, что и сами – ни к черту,
а дети – спились иль слились;

за то, что немного осталось,
за то, что мужья их – в гробах,
за то, что под старость, под старость
остались они на бобах.

И верят они непреложно,
– как прежде – в сплошной коммунизм –
что должен быть, должен быть, должен
какой-то во всём этом смысл!

И радость гуляет по лицам
хоть несколько жарких минут...
В бессмысленных поисках смысла
всё жгут они, жгут его, жгут.

Колыбельная для маленькой дочки

Спи, малютка, не вертись,
пусть тебе приснятся
братец Кролик, братец Лис
и другие братцы

пусть тебе Чеширский кот
улыбнется с ветки –
ты ему положишь в рот
мятную конфетку

там тебя семья сорок
позовет в дорогу
и знакомый носорог
покачает рогом

покачает, покача...
пока-пока-чает
посмотри, уже тебя
покачать мечтают:

сине море – на волне,
а волна – на пене,
ночь – на мягкой тишине,
на рогах – олени,

медвежонок-шалолай –
на косматой лапе...
Спи, Анютка, засыпай –
дай поспать и папе.

Призрачный сонет

Снег наконец-то лёг. Как падишах,
раскинулся на стынущем диване
и всё на свете – от зевак до зданий –
как в общей бане, уравнил в правах.

А после, ночью – голоса лишил.
Деревья верноподданно согнулись,
но притаились в лабиринтах улиц,
в дворах безмолвных – призраки машин.

Они взлетят – бесшумно, вопреки
земному тяготению, легки
как бабочки; и словно на параде

колонною победной – за моря
отправятся... а в том – ты видишь? – я...
И снег прощально по щеке погладит.

ГОЛОВА

Юлия Долгановских

Екатеринбург

*История не есть ли чудовищное другое лицо, которое
проглатывает людей себе в пищу?..*

*Не есть ли мы «я» в «Я»? Как всё страшно и безжало-
стно устроено.*

В. Розанов, «Опавшие листья»

I

Самое странное,
никто из выживших не помнит,
в какой это было год —
одни говорят, что в этот,
другие — в тот,
третьи — вовсе наоборот,
мол, не в этот, не в тот,
а м е ж д у,
когда оставили всякую надежду
на благополучный исход,
но вот
поди ж ты, нашёлся герой...
Впрочем, начнём сначала —

там, за горой,
появилась огромная голова.
Открывала щербатый рот,
будто кого-то звала,
но позабыла слова —
или вовсе их никогда не знала.

БЕЖИТ РАЗНОЦВЕТНАЯ ЛЕНТА

А как голова дышала!
Хрип,
дребезжащий вдох –
ох! –
и человека как не бывало.

Среди первых, конечно, юродивые,
одинокие лёгкие старички
и беспризорные дети.
Затем в расход пошли смельчаки –
размахивая палками и кулаками,
подходили вплотную к якобы спящей башке,
но – хрип,
дребезжащий вдох –
ох! –
и эти
исчезали в огромном щербатом мешке.

Случалось,
голова заходила в кашле –
поднимался ветер,
летели наружу вчерашние
обрывки пережёванного тряпья,
пряди волос,
пёрышки воробья,
невесть как попавшего под раздачу –
и это была удача
для тех, кто оказывался вблизи –
смердный выдох их относил
далеко
от погоста щербатого.

– Распроклятая
тварь! – плакали те, кому было о ком.
Держали своих детей под замком,
старики, как дети,
друг друга держали за руки.
А глазищи янтарные
не отпускали ни ночью, ни днём –
жгли холодным огнём.
Держись-не держись,
жизнь
непоправимо легка –
вдох! –
и нет её.

II

Издалека –
пыльный плащ,
большой капюшон –
за гору странник пришёл.
Слушал плач,
слушал стон,
смотрел на пустые дома.
Обносилась осень,
уже и зима
шла на убыль,
приближалась весна –
или это только казалось
и всё
происходило м е ж д у?

– Есть надежда, –

БЕЖИТ РАЗНОЦВЕТНАЯ ЛЕНТА

прошелестел
голос глухой. – Путь плохой,
распутица.
Однако пойду – чего не миновать,
то и сбудется.

Поднялась метель –
и странник пропал.
Около головы его никто не видал –
ни следов, ни плаща –
ничего,
будто и не было никогда его.
Махнули рукой –
пройдоха!
И продолжили жить –
от выдоха до вдоха
головы.

...Быстрее молвы
шёл странник –
утром ли ранним,
на закате ли,
даже ночью густой
он уходил от головы.
План был простой –
обойти гору вокруг
и, приглушив каблук,
нанести удар со спины,
разбить затылок щербатой гадине.

Круг замкнулся.
При свете полной луны,

на краю неглубокой впадины
странник увидел её –

и стоял до рассвета,
не в силах поднять руки –

запеклись
на кривой спине рваные раны;
протянуты вдоль земли,
немногим толще берёзовых веток,
лежали недвижные ноги;
убогие
руки подвёрнуты под себя.

– Свят, свят, свят... –
из-под плаща показалась
тонкая кисть. – Крестись-не крестись,
хоть ты, голова, велика,
не жалела ни малого, ни старика,
как же мне тебя пожалеть?

Странник начал петь
колыбельную –
спи,
спи,
спи...

Хриплый свист
вырвался из чахлой груди.

– Господи, помоги!
Удар.

БЕЖИТ РАЗНОЦВЕТНАЯ ЛЕНТА

Поднимается пар
из земляного нутра –
спать пора! –
последний вдох –
ох! –
голова забирает с собой
на вечный покой
два захудалых двора.

Пар
становится гуще –
не видно ни зги.
– Господи, помоги!

...Когда прояснилось,
люди,
безумные в горе своём,
увидали её –
странницу в пыльном плаще,
капюшон лежал на плечах.

– Ах! –
слепая ярость
захлестнула и молодость, и старость –
так вот о н а,
многоликая гадина!
Верни украденных!

Мелькали плети, рогатины, батоги –
Господи, помоги! –
били,
но не добили –

ноги раздробили,
руки переломали,
выбили зубы –
устали.

Бросили в грязи –
грызи
ртом щербатым
кости убитых тобой!

Вой
утих.
Наступила ночь.

III

...Если бы мочь
предвидеть,
знать наперёд –
не идти в обход,
не начинать с н а ч а л а!

Она не кричала –
желтели во тьме глаза,
застывали смолой.
Там, за горой,
набухала огромная голова –
открывала щербатый рот,
будто кого-то звала,
но позабыла слова.

А когда-то – знала.

Содержание

От редактора-составителя	2
Елена Миронова. ЛИВЕНЬ СВЕСИЛСЯ С КАРНИЗА...	3
Владислав Сергеев. ЖУЧИНЫЕ АНГЕЛЫ	7
Александр Петрушкин. МЕСТО ДЛЯ МЕТЕЛИ	11
Александр Крупинин. ИЗ ЗАПИСОК НИЛЬСКОГО КРОКОДИЛА	15
Андрей Федосеев. ОТЗОВИСЬ МЕЖДОМЕТИЕМ	21
Юлия Вольт. КАК ЖИДКОСТЬ И КАМЕНЬ, ВЕЩЕСТВЕННО СЛОВО...	27
Тейт Эш. ПОЧТЕННАЯ ЛЕСТНИЦА	31
Андрей Моисеев. ПЕСЧИНКИ В РЕКЕ ВРЕМЕН	36
Ильдар Харисов. ПЕРЕБЕЖКАМИ МЕЖ СЛОГАМИ	41
Ольга Ведёхина. ПТИЦА-ОРКЕСТР	45
Александр Спарбер. БЕСШУМНЫЙ, ВОЛШЕБНЫЙ, ПУШИСТЫЙ...	48
Юлия Долгановских. ГОЛОВА	52
Содержание	59
Главная редакция Большого Литературного Конкурса	59
Редколлегия Большого Литературного Клуба	59
Impressum	60

Главная редакция Большого Литературного Конкурса (2009-2014)

Павел Самсонов (апрель 2009-август 2011; май 2013-февраль 2014), Елена Миронова (апрель 2009-сентябрь 2013), Владислав Сергеев (апрель 2009-февраль 2014), Александр Петрушкин (апрель 2012-март 2013)

Редколлегия Большого Литературного Клуба (с 2014 г.)

Владислав Сергеев (член Главной редакции с февраля 2014), Александр Крупинин (член Главной редакции с февраля по апрель 2014), Андрей Федосеев (член Главной редакции с февраля 2014 по ноябрь 2015), Юлия Вольт (член Главной редакции с июля 2014 по январь 2018), Тейт Эш (член редколлегии с июля 2014, Главной редакции с апреля 2015), Ильдар Харисов (член редколлегии с июля 2014, Главной редакции с сентября 2017), Андрей Моисеев (член Главной редакции с февраля 2016 по июнь 2017), Ольга Ведёхина (член редколлегии с сентября 2017), Александр Спарбер (член редколлегии с июня 2018), Юлия Долгановских (член редколлегии с февраля 2019)

KULTURWELTEN

Nº 26 (2019/1)

ISSN 1864-3183

Die Zeitschrift *KULTURWELTEN*
erscheint in Berlin mit der Unterstützung der

META_KUNST –

Vereinigung von Künstlern und Geisteswissenschaftlern

und wird durch die

Gesellschaft für OSTEUROPA-FÖRDERUNG e.V. Berlin
betreut.

Herausgeber und Chefredakteur:
Redakteure:

Ildar Kharissov
Peter Hermann
Irina Romodina
Svetlana Wachsmuth

Kontakt und Vertrieb:

KULTURWELTEN,
Gesellschaft für OSTEUROPA-FÖRDERUNG e. V.
Mühlenstraße 62-65
D-13187 Berlin
Deutschland

Email: osteuropa-foerderung@gmx.de

Namentlich gekennzeichnete Texte geben nicht unbedingt die Meinung der Redaktion wieder. Für den Inhalt der Texte sind die jeweiligen Autoren verantwortlich. Für unverlangt eingesandte Manuskripte, Zeichnungen und Fotos wird keine Haftung übernommen.

© Autoren
© Kulturwelten 2019

Druck: *dbusiness.de* – digital business printing GmbH

